

СУФФИКС *-аѝа* В ТОПОНИМИИ И МИКРОТОПОНИМИИ ЮГОСЛАВИИ

Я хотел бы отметить, что сообщение, сделанное мною на симпозиуме, является лишь частью еще не опубликованного обширного исследования о суффиксе *-аѝа* в топонимии и микротопонимии Югославии. Так как существует очень небольшое число монографий, посвященных истории суффиксов южнославянской языковой области и давно уже ощущается потребность в такого рода работах¹, я и счел целесообразным привести наиболее важные моменты из своего исследования, относящиеся к вопросам происхождения, территориального распространения, апеллативного и топонимического различия в семантике этого суффикса и к другим проблемам, связанным с *-аѝа*.

Во всех современных грамматиках сербохорватского и словенского языков суффикс *-аѝа* упоминается как принадлежащий исключительно этим языкам и служащий для образования *nomina agentis* и *nomina instrumenti*. Большинство авторов рассматривают в основном его семантику, не касаясь вопроса о его происхождении. На основании примеров, приведенных Ф. Миклошичем, можно заключить, что он считает *-аѝа* вариантом суффиксов *-аѝь* и *-аѝьь*, которые, согласно его классификации, относятся к разряду вторичных суффиксов². А. Белич дает следующие примеры из словенского языка: *kravaѝа* 'elende Kuh', *suknjaѝа* 'ein langer, grober Rock', *svinjaѝа* 'большая свинья', *kozaѝа* 'grosse Ziege', *nogaѝа* 'grosser Fuss', которые, по его мнению, относятся к суффиксам типа «deteriorirende». Такие примеры, как *bregaѝа* 'Hügelchen, unbedeutender Berg', *tmaѝа* 'Finsterniss', *mglaѝа* 'Nebel', считаются «deminuirende», и на основе этих значений делается заключение: «Dass... die Deteriorativbedeutung die Grundbedeutung war, woraus sich alle anderen entwickelt haben»³. Р. Бошкович также ограничивается констатацией того, что этот суффикс известен только сербохорватскому и словенскому язы-

¹ Превосходная монография о суффиксе *-ić/-itj* в топонимии южнославянской языковой области написана Ст. Роспондом 30 лет назад — и с тех пор до настоящего времени не появилось ни одной работы такого рода.

² Fr. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Stammbildungslehre. Wien, 1875, стр. 331—335.

³ A. Belič. Zur Entwicklungsgeschichte der slavischen Deminutiv- und Amplifikativsuffixe. — AfslPh XXIII. Berlin, 1901, стр. 155—156.

кам и что с его помощью от именных корней образуются существительные с разными значениями⁴.

Говоря о механизме словообразования с помощью суффикса *-ača*, Т. Маретич в своей «Грамматике хорватско-сербского языка» выделяет четыре случая: 1) от именных, прилагательных и глагольных основ образуются слова, значение которых находится в какой-то связи со значением корня: *kijača*, *kopljača*, *misirača* и т. д.; 2) среди таких имен встречаются, хотя и редко, слова, обозначающие животных или членов семьи: *krmača*, *parikača*, *udavača*; 3) этот суффикс свободно связывается с основами прилагательных на *-ov*, которые образованы от имен, обозначающих некоторые растения: *brezovača*, *glogovača*, *jabukovača*; 4) автор приводит также, но без объяснения, ряд существительных с «редким значением»: *lukovača*, *takovača*, *hrastovača*. Все другие грамматики и работы по истории языка в основном повторяют наблюдения Маретича.

Отдельно следует рассмотреть топонимические работы, связанные с этим суффиксом. Тут на первом месте должны быть упомянуты труды известного южнославянского топонимиста П. Скока. В своих многочисленных исследованиях, где главное внимание обычно уделяется проблемам хронологии переселения славян на Балканский п-ов и другим проблемам, относящимся к истории балканских аборигенов, романских народов и славян, он говорит, правда чаще всего мимоходом, и о суффиксе *-ača*, однако не касаясь вопроса о его происхождении. Точнее говоря, ни П. Скок, ни последующие исследователи не рассматривали эту проблему всесторонне, а лишь пытались объяснить появление этого суффикса на основе семантических и, вероятно, даже звуковых совпадений с аналогичными фактами в других, неславянских, языках. Ярким примером такого изолированного от исторических языковых факторов рассмотрения отдельного апеллатива может служить слово *vrtiča*, о котором писали многие авторы. Наиболее полно этот вопрос освещен в книге словенского топонимиста Фр. Безлая⁵. Говоря о происхождении названия реки *Vrtiča* (около Селича) (самая древняя фиксация — 1490 г. в немецкой графике *Frtätsch*), Безлай отмечает, что трудно определить, связано ли оно на основе народной этимологии с глаголом *vrteti* или это *vrt*+латинский суффикс *-aceus*. Эта осторожность Безлая здесь оправдана, тем более она необходима, когда рассматривается широкий топонимический материал, который дает нам возможность произвести всесторонний анализ.

Завершая этот краткий обзор литературы о суффиксе *-ača* (и не ставя своей целью дать исчерпывающую информацию,

⁴ Р. Бошковић. Развитак суфикса у јужнословенској језичкој заједници. Београд, 1936, стр. 131.

⁵ Fr. Bezla j. Slovenska vodna imena. Ljubljana, I, 1956; II, 1961.

которая здесь не существенна), я хочу выделить особо статью, которая трактует проблему суффикса *-аѣ* на южнославянской территории. Эта работа, озаглавленная «Топонимичните ѣ-суффикси в южнославянските езици» написана выдающимся болгарским топонимистом И. Дуридановым⁶. Автор поддерживает и акцентирует мысль Вондрака⁷ о том, что современные ѣ-суффиксы унаследованы от и.-е. *k*-формантов и в современном своем виде представляют собой славянскую инновацию путем расширения основы через *-ja*, *-jo*. Ссылаясь на Отрембского, Дуриданов далее указывает, что в балтийских языках есть точные топонимические параллели (в древнепрусском и литовском), с той только разницей, что они не расширены суффиксом *-ja* или *-jo*, как на территории южнославянских языков. Ко всему этому надо добавить, что Дуриданову принадлежит заслуга обнаружения топонимов с суффиксом *-аѣ* в западной Болгарии, тогда как до него считалось, что этот суффикс встречается только на территории сербохорватского и словенского языков.

Однако это краткое, но очень важное сообщение упомянутого автора должно быть подвергнуто более строгому анализу прежде всего на основе большего числа примеров, и не только топонимических, но и микротопонимических. Сразу же возникает несколько проблем: есть ли слова с этим суффиксом в старославянских текстах, т. е. является ли современное состояние в сербохорватском и словенском языках унаследованным с древнейших времен из этого языка? Ответ отрицательный⁸, что является надежнейшим доказательством нового происхождения этого суффикса, т. е. его инновации на южнославянской языковой почве. Отвергнув старославянский язык в качестве возможного праисточника и зная, что в других славянских языковых системах этот суффикс неизвестен, мы с необходимостью должны задать себе следующий вопрос: появляется ли этот суффикс в результате длительного контакта или симбиоза части славянского населения с аборигенами Балканского п-ова, или он заимствован из народной латыни, которая была тогда доминирующим языком в этих областях?

Рассмотрим факты, свидетельствующие в пользу романского происхождения суффикса *-аѣ*. Латинский суффикс *-aceus* выражает главным образом усиленную пейоративность основы соответствующего прилагательного. В современном португальском языке он звучит как *-az* и *-aço* и семантически соответствует своему праисточнику, тогда как в испанском языке суффикс *-azo* получил другую функцию: с его помощью образуются имена со значением удара, наносимого каким-л. предметом (*cuchillazo* 'удар ножом'

⁶ «Български език», VIII, 4—5. София, 1958, стр. 343—356.

⁷ W. V o n d r á k. Vergleichende slavische Grammatik. Göttingen, 1924, стр. 612.

⁸ См.: А. Л е с к и н. Грамматика древнеболгарского (древнецерковно-славянского) языка. Казань, 1915.

и т. п.)⁹. В итальянском языке этот суффикс относится к типу очень продуктивных и соответствует по значению лат. *-accus*. И что особенно интересно, — этот суффикс в говорах стал употребляться уже в качестве самостоятельного слова. Так что здесь можно, например, сказать: *È una cosa accia, ma accia bene*¹⁰.

Географическая близость Италии и длительное романское влияние (через романские города) почти вдоль всего Адриатического побережья, действительно, должны свидетельствовать в пользу упомянутого утверждения некоторых авторов о том, что этот суффикс проник в сербохорватский и словенский языки через какой-то романский язык. Объяснение слова *vrtāca* как *vrt* ('hortus') + *-aceus* фонетически и исторически возможно, но не дает ответа на некоторые вопросы. Прежде всего остается неясным, можно ли применить объяснение слова *vrtāca* (как современного географического термина) ко всем топонимическим апеллативам с этим суффиксом, которые рассеяны почти по всей современной Югославии, или это слово нужно рассматривать изолированно в свете других фактов. Я разделю бы мнение Безлая, который выразил сомнение в романском происхождении этого суффикса, и подкрепил бы это мнение следующими данными. Согласно моим материалам, *Vrtāca* имеет следующий ареал: в Словении этот топоним встречается 9 раз, в Хорватии — 3, в Боснии — 30, в Сербии — 13, в Черногории — 4. Учитывая то обстоятельство, что я не имел возможности пользоваться микро-топонимическими материалами Словении, ограничусь констатацией, что топонимический апеллатив *vrtāca* не встречается в Адриатическом приморье, где мы более всего ожидали его обнаружить, а отмечается, наоборот, в континентальной Сербии, Боснии и Словении. Согласно аргументированному утверждению Скока, распространение суффикса *-āca* в приморье и на островах с точки зрения частотности не дает возможности считать этот суффикс типичным для данной территории¹¹.

В соответствии со всем вышесказанным, исходя из славянской глагольной основы *vrteti* 'sich drehen' (а не из славянско-романской комбинации) и опираясь на современный топонимический ареал этого апеллатива, правильным решением вопроса о происхождении этого имени надо признать определение его в качестве варианта к другому географическому термину — *vrtanja*¹², который и сейчас существует в диалектах в Хомолье и Подринье в Сербии (ср. и морав.-чеш. *závrtek*, приводимое Безлаем¹³).

⁹ Э. Б у р с ь е. Основы романского языкознания. М., 1952, стр. 361.

¹⁰ Там же, стр. 59.

¹¹ P. S k o k. Slavenstvo i romantsvo na jadranskim otocima. Zagreb, 1950, стр. 263.

¹² J. S c h ü t z. Die geographische Terminologie der Serbokroatischen. Berlin, 1957, стр. 43.

¹³ Fr. B e z l a j. Указ. соч., II, стр. 321.

Кстати говоря, существует определенное количество современных апеллативов на *-ača*, которые, непосредственно или опосредованно, пришли из латинского или итальянского языкового фонда, что, однако, существенно не влияет на вышеупомянутое заключение. К этому типу заимствований относятся следующие слова: *polāča* (*palača*) от лат. *palatium*, зафиксированное в нашем письменном памятнике еще в 1333 г.¹⁴; *pogača* от ит. *focaccia*¹⁵; *burača* 'lagenae species' от ит. *boraccia* в значении 'мех'¹⁶ и т. д. (Это явление должно быть предметом отдельного исследования, тем более что ранние графические приемы, возможно, дали бы нам некоторые сведения о хронологии.)

Важным доказательством нероманского происхождения суффикса *-ača*, как и невозможности применить объяснение, данное слову *vrtača*, ко всем апеллативам этого типа, может служить текст Статута Полицы, который создан как раз в непосредственной близости от очень сильных романских культурных центров. Этот юридический памятник средних веков не содержит ни одного слова с суффиксом *-ača*¹⁷. (Здесь не принимается во внимание заимствованное слово *polāča*.) С другой стороны, в тексте Статута отмечается довольно много итальянских (венецианских) заимствований — таких, как: *deferencija*, *kančilar*, *kapelan*, *katun*, *katunar*, *kušencija*, *kašteo*, глагол *manjkati* и т. д.

Указание Скока о том, что суффикс *-ača* в Приморье очень редок, находит свое подтверждение и в недавно опубликованной книге «*Toponimika zapadne Istre, Cresa i Lastova*»¹⁸, где можно найти только два примера с *-ača*, имеющих бесспорно славянское происхождение. Следовательно, в сравнении с обилием других суффиксов славянского и иностранного происхождения суффикс *-ača*, встречающийся здесь очень редко, может считаться исключением.

Число фактов, говорящих против мнения о романском происхождении этого суффикса, могло бы быть значительно увеличено, но это не является главной целью моей работы. Я хотел бы привести еще только один пример. В середине XIX в. был написан морской словарь Антона Микоча, который недавно издан впервые¹⁹. Автор этого словаря хорошо знал и итальянский, и свой родной язык, и местный приморский диалект. Так как это итальянско-сербохорватский словарь, то вполне логично, что в нем больше

¹⁴ Fr. Miklosich. Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii. Viennae, 1858, стр. 106.

¹⁵ J. Šafarik. Serbische Lesekörner. Pešta, 1833, стр. 78.

¹⁶ RJA I, 739.

¹⁷ V. Jagić. Poljički statut. Zagreb, 1890; Б. Греков. Полица. М., 1951.

¹⁸ «*Toponimika zapadne Istre, Cresa i Lastova*». — «*Anali leksikografskog zavoda FNRJ*», III. Zagreb, 1956.

¹⁹ A. Mikoč. Rukopisni nautički rječnik Jakova Antuna Mikoča iz godine 1852. — «*Anali Jadranskog instituta*», 2. Zagreb, 1958, стр. 319—355.

сербохорватских слов (1081), чем итальянских (773). Стоит повторить, что с помощью суффикса *-ača* образуются, в частности, *nomina instrumenti*, которые во всяком таком словаре, независимо от того, на каком языке он написан, составляют большой процент, потому что они являются конкретными морскими терминами. В этом словаре процент сербохорватских апеллативов на *-ača* также ничтожен, и приводимые здесь отдельные слова с соответствующим суффиксом лишь подтверждают сделанный ранее вывод. Однако решение проблемы происхождения этого суффикса, к сожалению, еще не решает вопроса о времени появления его в сербохорватском языке. Эта проблема может быть расчленена на две: 1) если этот суффикс не романского происхождения, то почему мы не находим его в наших древнейших текстах XII—XIII вв.? 2) что повлияло на такое позднее массовое появление этого суффикса в топонимии (учитывая то, что он имеет литовские и древнепрусские соответствия)?

Самым старым примером с суффиксом *-ača* на южнославянской территории является микротопоним *Kobilača* в Полице (в Далмации), который в таком облике записан еще в 1090 г. (*in loca ubi dicitur Kobylache*²⁰). Не исключено, что имя *Вукосав Кобилачич* (офь Примориѣ Вѣкосавѣ Кобилачиѣ), с 1397 г.²¹, также содержит в себе основу этого микротопонима. Основа *kobila* 'equa' довольно широко распространена в качестве топонимического апеллатива на всей территории Югославии, а также встречается в других славянских языках.

Другой пример с суффиксом *-ača* — это ороним *Vogača* (название горы, которую Стефан Неманя в 1198—1199 гг. подарил Хиландарскому монастырю)²². Основа *bog-* 'deus' есть во всех славянских языках, хотя, кажется, очень редко встречается в функции топонима. С другой стороны, эта же основа необычайно продуктивна в патронимике почти во всех славянских языках²³. Ср. еще микротопонимы, образованные от патронимов (женских имен:) *Jelača* (< греч. *Helen*), встречающийся в наших письменных памятниках только в XV в.²⁴, и *Vitača* (славянского происхождения), зафиксированный в 1399 г.²⁵ Употребленное в качестве топонима, *Vogača* является метафорой, относящейся к плодородной горе с землей, годной для обработки. Ср. многочисленные семантические параллели: *Pitomača* (метафора по отношению к земле), *Kosmača* (метафора, относящаяся к траве, лесу и вообще

²⁰ P. Skok. Prilozi k ispitivanju srpskohrvatskih imena mesta. — «Rad JAZU», knj. 224. Zagreb, 1921.

²¹ D. Daničić. Rečnik iz književina srpskih, I—III. Beograd, 1863—1864.

²² D. Daničić. Указ. соч., I, стр. 53.

²³ J. Svoboda. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.

²⁴ D. Daničić. Указ. соч., III, стр. 516.

²⁵ D. Daničić. Указ. соч., I, стр. 116.

к растительному покрову), *Debeljača* (метафора, употребленная по отношению к плодородной земле) и т. д.

Третий пример — топоним *Gromača*, зафиксированный в Далмации в 1275 г.²⁶ Микропоним в облике *Grmača* отмечен на острове Браче еще в 1185 г.²⁷ Там же известен апеллатив *gromača* в значении 'cumulus, Steinhafen, Steingeröll'²⁸. По моим сведениям, этот топонимический апеллатив встречается 11 раз: 4 раза в Лике, 1 — в Боснии и 6 — в Далмации.

Остальные примеры более поздние: фамилия *Kosačić* отмечена в Дубровнике в 1373 г.²⁹, микропоним *Krivača* впервые зафиксирован на территории Сербии в 1330 г.³⁰, микропоним *Rasohača* — также в XIV в., антропонимическая основа *Smil-* (в составе слова *Smilača*) зафиксирована тоже в Сербии в 1381 г.

На основе даже этих скудных примеров можно сделать важный вывод о том, что все они образованы от основ славянского происхождения. Однако остается нерешенной центральная проблема: почему в прошлом было так мало слов с суффиксом *-ača* и почему позднее в топонимии отмечается их массовое появление?

Вообще говоря, языковые изменения зависят от многочисленных внешних и внутренних факторов, последовательность и закономерности действия которых не всегда легко определить. В качестве иллюстрации приведу один конкретный пример, который нам показывает не только то, что суффикс *-ača* — нового происхождения, но и тенденцию языка к непрерывным изменениям. Дечанскому монастырю в Сербии в 1330 г. принадлежало 46 сел (их названия в том же году были зафиксированы). Однако сейчас из этих 46 сел существует только 15, и ни одно из них не сохранило своего первоначального имени: *Beležane* > *Beleg*; *Lučane* > *Luka*; *Bivoljare* > *Bivoljak*; *Strelac* > *Streoci Gornij i Donji*; *Bratotin Dol* > *Bratotin*; *Uločani* > *Ločani*; *Grnčarevo* > *Grnčar*³¹ и т. д. Это яркая иллюстрация «борьбы суффиксов» (сам термин мы находим у М. Павловича в одной его работе о суффиксах на материале сербохорватского языка³²). Один из этих населенных пунктов назывался в 1330 г. *Komorane*³³, а сейчас именуется *Komorača*. Причина изменения названия неизвестна,

²⁶ J. S c h ü t z. Указ. соч., стр. 36; ср. и гидроним *Gramachnyk* в Хорватии, отмеченный в 1280 г.: *terra Gramachnyk* и *Gromachnyk*.

²⁷ P. S k o k. Указ. соч.

²⁸ J. S c h ü t z. Указ. соч., стр. 36.

²⁹ D. D a n i č i ć. Указ. соч., I, стр. 478.

³⁰ F r. M i k l o s i c h. Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii, стр. 95.

³¹ R. I v a n o v i ć. Sela i zaseoci manastira Dečana iz 1330 godine. — «Istorijski časopis SAN», IX. Beograd, 1960, стр. 187.

³² M. P a v l o v i ć. Borba nastavaka u srpskohrvatskom jeziku. — «Godišnjak Filozofskog fakulteta». Novi Sad, 1961, стр. 164—179.

³³ R. I v a n o v i ć. Указ. соч., стр. 187.

можно только констатировать, что этого суффикса в начале XIV в. в этой области Сербии не было.

Если еще поставить под сомнение существование литовских параллелей, на которые ссылается И. Дуриданов, то нам остается только предполагать, что этот суффикс появился у нас с приходом турок (в период длительной пятисотлетней турецкой оккупации). Но в турецком языке такого суффикса нет, хотя флексия *k : ě* и известна (ср. *at-tak* 'бросить', *atmaĉa* 'ястреб', *bog-tak* 'душить', *bogmaĉa* 'удушливый кашель' и т. д.³⁴). Однако появление этого суффикса в Словении трудно объяснить турецким воздействием (в отличие от Сербии, Боснии и других областей Югославии). Правда, хронологические свидетельства не могут быть решающими в этом случае, так как известно, что в русском письменном памятнике «Слово о полку Игореве» выявлено определенное число слов восточного происхождения (т. е. задолго до появления татар)³⁵. Между тем здесь речь идет не об отдельных словах, а о целом грамматическом явлении, которое, кстати сказать, не имеет ни грамматических, ни семантических параллелей в турецком языке. Хотя появление этого суффикса в сербохорватском языке и совпало хронологически с началом турецкой оккупации, приведенные выше факты говорят против предположения о его турецком источнике.

Последним возможным объяснением происхождения суффикса *-aĉa* является предположение о том, что это суффиксальная инновация на территории сербохорватского и словенского языков, появившаяся в результате внутренних законов развития этих славянских языков, языковые фонды которых содержат много примеров с фонетическим соотношением *k : ě*: *rak—raĉji*; *ĉovek—vos. ĉoveĉe*; *korak—koraĉati*; *lek—leĉiti* и т. д. Одним словом, суффиксы с *ĉ*-основой известны всем славянским языкам, с той только разницей, что в некоторых они продуктивны, а в других встречаются только в топонимии или в устаревшей лексике. В украинском, русском и белорусском языках известен, впрочем, еще суффикс *-aka*, и наш суффикс *-aĉa* можно было бы рассматривать как его альтернативу.

Центральной проблемой представляется также определение времени появления суффикса *-aĉa* и причины его массового употребления в более позднее время как в апеллативной лексике, так и в топонимии. Если поддержать мысль о наличии литовских параллелей, то можно было бы принять тезис о том, что этот суффикс существовал ранее в народном сознании как непродуктивный, а затем с определенного исторического момента стал продуктивным суффиксом.

³⁴ А. К о н о н о в. Грамматика современного турецкого языка. М.—Л., 1956, стр. 115.

³⁵ Ф. К о р ш. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — ИОРЯС VIII, 4. СПб., 1903.

Ареал этого суффикса в топонимии и микротопонимии также дает нам известные сведения, хотя к ним нужно подходить с некоторой осторожностью. Ведь основной микротопонимический материал выписан мною из этнографических работ об отдельных областях Югославии (без Словении). Но не все авторы этих исследований придерживались одинаковых принципов при записывании микротопонимов, так как это зависело от их понимания важности этой проблемы, от объема записей, от количества времени, проведенного на местах (фиксации лексики) и от других факторов. Все это означает, что приводимое число микротопонимов в определенной местности нужно рассматривать как относительное, а не абсолютное. Единственным возможным средством определить приблизительный ареал и распространенность этого суффикса служил метод исключения тех областей, где он вообще не встречается. Таким путем я пришел к выводу, что суффикс *-ača* не характерен для современной территории Истрии, восточной Сербии, Македонии и частично Далмации. Эти данные свидетельствуют о его наибольшей распространенности в центральной Боснии, где, может быть, и нужно было бы искать его первоисточник.

Можно много говорить о словообразовании с помощью этого суффикса, но я хотел бы остановиться только на самых важных моментах.

В образованиях, оканчивающихся на *-ača*, часто можно выделить уже не только суффикс *-ača*, но и производные от него: *-ovača*, *-'ača*, *-evača* и новый суффикс *-njača*.

Примеры с *-ovača* самые многочисленные, они составляют 37,6% от всего количества, которое равняется 1311. Этот тип конструкции (с притяжательным прилагательным) продуктивен и в современной лексике. Эта продуктивность выражается, в частности, в семантике основ, так как встречается почти одинаковое количество антропонимов и фитонимов, последние из которых являются нормальными образованиями в сербохорватском языке. Однако топонимы или микротопонимы, основа которых — личное имя, в апеллативной лексике не существуют, так что их появление может трактоваться как топонимическая семантическая инновация. Из множества примеров я приведу лишь несколько: *Banovača*, *Boškovača*, *Viđovača*, *Vičkovača*, *Vukmanovača*, *Gostovača*, *Jugovača*, *Marinkovača*, *Stojkovača*. Любопытно, что суффикс *-ovača* в этих случаях демонстрирует чисто патронимические функции и по значению идентичен суффиксу *-ica*, который в топонимии на нашей территории имеет сходное значение. Например, название церкви *Lazarica* в Крушевце в Сербии означает, что она принадлежала князю Лазарю. Современное название одного из лугов *Stojkovača* (или *Marinkovača*) означает принадлежность или какую-то тесную связь с лицом, чье имя входит в состав этого слова. Тот же суффикс получают и зоонимы, так что часто

встречаются такие типы: *Zmijovača, Jastrebovača, Ježovača, Krmkovača, Medvedovača, Orlovača, Pavlinovača, Risovača, Sokolovača* и др. Такие фитонимические примеры, как *Kruškovača, Leskovača, Orahovača, Rastovača* и др., не надо выделять особо, так как они отличаются от апеллятивов только своей подчеркнутой топонимичностью.

Гораздо интереснее примеры с суффиксом *-ača*, когда он присоединяется прямо к корню, так как на основе их можно провести грамматический анализ самих этих корней. Прежде всего характерно, что число таких примеров составляет 36,3%, что лишь немногим меньше, чем число слов с *-ovača*. Очень симптоматично, что к этому типу принадлежат некоторые антропонимы, непосредственно присоединившие этот суффикс (без *-ov* или *-ev*): *Andrejača, Vukotača, Budimača, Vidača, Ljubača, Radača, Milotača, Sekulača, Smilača* и т. д. Грамматический анализ основ дает следующую картину: самыми многочисленными являются имена существительные (*Brdača, Bregača, Bunarača, Busača, Vrletača*), значительная часть которых — географические термины. Адъективных основ немного, но все же они есть: *Vilajača, Plitača, Smrdljivača, Smrdača, Šupljača, Dubokača, Pasjača, Pitomača, Turjača* и т. п. Этот тип суффикса может присоединяться и к глагольным основам, правда, у нас только три таких примера: *Priorača, Plazača, Sijača*. Имеются также три примера, когда образование происходило на основе числительного: *Duplača, Trojača, Osmača*. Наконец, встречаются случаи, когда суффикс *-ača* присоединялся прямо к предлогу: *Poprekača, Prekača, Prikača, Stragača*.

Анализ рода основ (у слов с *-ača*) дает нам одинаковое число основ мужского и женского рода. Средний же род встречается только шесть раз, поэтому можно сказать, что образования по типу существительное среднего рода + суффикс *-ača*, присоединенный прямо к корню, редки. Это следующие примеры: *Brdača, Zabrdača, Osojača, Poljača, Poljače, Sitača*.

Тип *-evača* составляет только 2,8% от всех примеров, что вполне соответствует положению в современном книжном языке: *Vasiljevača, Ježevača, Kragujevača, Miljevača, Radojevača, Trešnjevača* и т. д.

По распространенности суффикс *-ača* занимает третье место, так как число слов с ним составляет 22,8%. Основами этих примеров являются главным образом прилагательные на *-nji, -lji* (тип *krajnji, lavlji*). Например: *Borovnjača, Golubnjača, Debeljača, Jagodnjača, Zmijinjača, Jelenjača, Ribljača, Strmenjača* и др.

О суффиксе *-njača* можно сказать, что он находится на пути к развитию продуктивности, являясь самым молодым (хронологически) и происходя от типа *-ača*. Его к тому же часто можно спутать с *-ača*, так как не всегда ясно, образовано ли слово от основы прилагательного на *-nji* с помощью суффикса *-ača*, или оно образовано посредством суффикса *-njača*. Так, например, дей-

ствительно трудно установить, образованы ли названия *Jagodnjača*, *Golubnjača* и *Javornjača* от прилагательных *jagodnji*, *golubnji*, *javornji* или от существительных *jagoda*, *golub*, *javor* + новый суффикс *-njača*. Наиболее ясным является название *Bujadnjača*, где четко выделяются собирательное существительное *buj-ad* и суффикс *-njača*.

В итоге мы приходим к следующему выводу. Суффикс *-ača* не является заимствованием ни из романского и ни из какого другого источника. Он — нормальное славянское образование, которое имеет соответствия в словообразовательных системах литовского и древнепрусского языков.

Древнейшие примеры с суффиксом *-ača* на территории Сербии подводят нас к следующей мысли: в старославянском, македонском и других славянских языках нет этого словообразовательного типа. Он существует только в сербохорватском и словенском языках, а также частично в топонимии Болгарии³⁶. Сербохорватский и словенский языки сохранили и продолжают славянско-балтийское состояние как в апеллативной лексике, так и в топонимии. Массовое появление этого суффикса в топонимии начинается с XIV в. Несоответствие топонимического значения современному апеллативному — явление, известное многим языкам. Большой временной разрыв (в несколько веков) между появлением первых скудных примеров с этим суффиксом и его массовым распространением в топонимии можно объяснить внутренними законами развития самих этих языков. Иными словами, этот суффикс возник, видимо, на родной почве и в определенный момент из непродуктивного стал очень продуктивным.

Окончательное решение вопроса о происхождении суффикса *-ača* нужно искать в микротопонимии и апеллативной лексике центральной Боснии. Результатом таких исследований будет определен первоначальный ареал, а возможно, и причина появления этого суффикса в топонимии.

³⁶ Единичные примеры с этим суффиксом встречаются и вне этих территорий, но все говорит о том, что там мы имеем дело не с этим суффиксом, а, вероятно, с возможным вариантом суффикса *-ač*. Один такой пример из Гуцульской области Украины приводит И. Дуриданов — *Kikača*, который он связывает с известным сербохорватским географическим термином *kik* (и.-е. **keik*, лит. *kukurs*).

В. Н. Топоров и О. Н. Трубочев («Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья», стр. 134) отмечают на этой территории реки *Болгача* и *Рудача*, названия которых также могут быть соотнесены с соответствующими образованиями на *-ač*.